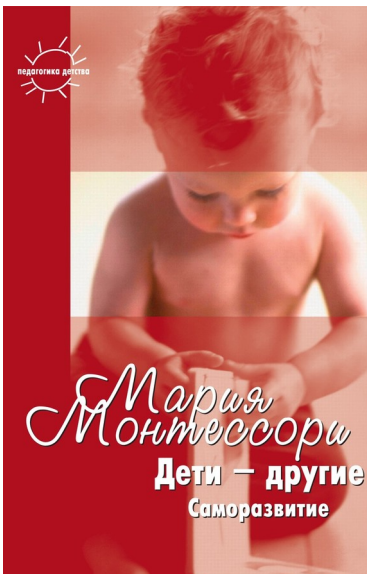




Мария Монтессори
Константин Е. Сумнительный
Дети – другие. Саморазвитие.
Части вторая и третья
Серия «Педагогика детства»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11800957

М. Монтессори Дети – другие: Саморазвитие/ Части 2, 3: Карпуз; Москва; 2012

ISBN 987-5-8403-1761-7

Аннотация

Известный итальянский педагог М. Монтессори посвятила всю свою жизнь созданию специальной методики воспитания детей. В настоящее время по методике Монтессори работают во всем мире.

В этой книге М. Монтессори подробно рассказывает о том, каким путем шла она к созданию своего метода. Работая с детьми, она постепенно пришла к выводу, что ребенок сам является творцом своей личности, что в нем самом заложено стремление и энергия к саморазвитию. Задача взрослого – только помочь ребенку действовать самостоятельно. Для этого необходима специальная среда и подготовленный учитель, уважающий личность ребенка.

На протяжении всей книги звучит тревожный голос М. Монтессори, которая, болея всей душой за ребенка, стремится объяснить читателям, что дети – другие. Только признав это, взрослые могут попытаться избежать конфликтов с детьми и всевозможных отклонений от естественного пути развития ребенка, а в конечном итоге и всего человечества.

Содержание

Тайна Монтессори	5
Секрет успеха	5
Часть вторая	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

М. Монтессори

Дети – другие. Саморазвитие

© Издательский дом «Карапуз», 2012

© К.Е. Сумнительный, вступ. и заключит. статьи, комментарии, 2012

Тайна Монтессори

Вернемся к школе уважаемой мадам Монтессори. Самое важное то, что дети не чувствуют тяжести учения, так как они учатся всему играя. Во-вторых, цель состоит в том, чтобы развить все органы и чувства ребенка. Очень мало места отводится простому заучиванию.
Махатма ГАНДИ

Секрет успеха

История педагогики сохранила сотни имен, но по пальцам одной руки можно пересчитать реальные школы, сохранившиеся после смерти авторов. Мария Монтессори стоит в этом почетном ряду. Произошло это не только потому, что многие ее прозрения нашли научное подтверждение, но и потому, что Мария нашла ключ к воплощению своих идей в повседневной педагогической практике.

Ее система строилась не один день. Она дружила с основателем генетической психологии Жаном Пиаже (некоторое время он лично возглавлял Монтессори-общество Женевы), переписывалась с детским психологом Анной Фрейд. Под их воздействием она уточняет выводы своих наблюдений за закономерностями детского развития. Но во многом она остается врачом и исходит из физиологии детей. Даже в понятие свободы она вкладывает биологический смысл и понимает под ней прежде всего независимость.

На примерах из собственной педагогической практики Мария доказывает, что взрослый должен не делать что-то за ребенка, а помогать ему действовать самостоятельно. Это особый труд. Ведь малыш, попадая в наш мир, видит его чуждым и неприспособленным для его жизни.

У ребенка плохая координация движений, он не уверен в себе и не знает, что делать с окружающими его предметами. Малыш зависим от великанов, которые называются взрослыми и которые, не задумываясь о нем, кроют мир под себя. Крохе трудно расстегнуть пуговицы на курточке, завязать шнурок на ботинке, перенести свой стул в удобное место.

Монтессори предлагает уже в 2,5–3 года дать ребенку возможность сделать это и многое другое. Учитель (взрослый) только помогает ему. Он создает порядок в тех вещах, которые нужны для развития ребенка, а их очень много. Все эти чашечки, подносики, губки и щеточки, а также палки и кубики, бусины и стерженьки, карточки и коробочки, положи их в беспорядке, могут вызвать только чувство бессилия перед хаосом мира. Монтессори предложила расположить их в определенной строгой логике, а малышей с первого дня в классе приучать поддерживать установленный порядок. Не только и не столько потому, что этого хотят взрослые, а потому, что так удобнее самим детям.

Монтессори вообще считает, что порядок органичен для ребенка, но он не всегда умеет сам его организовывать. Взрослый может создать условия, в которых порядок прост и естественен. Он не проводит с малышом долгие и изнурительные беседы, не пользуется образными иносказаниями, мораль которых выскакивает, как чертик из коробки, оставляя лишь чувство недоумения. Учитель предлагает ребенку принять только несколько четких правил, одно из которых: «Взял, поработал, положи на место». Но чтобы работа приносила пользу, учитель дает малышу короткий (2–3 минуты) урок, показывая, как обращаться с предметами, чтобы достичь результата, а не отчаиваться и не потерять интерес.

Интерес – первое, что Монтессори выделяет в своей педагогике. Второе – индивидуальный подход. Это, конечно, не означает, что у каждого ребенка появляется отдельный учи-

тель. Все несколько иначе. Каждый ребенок во время свободной работы выбирает то, что ему нравится делать, и учитель именно ему показывает, как справиться с заданием. Дальше ребенок работает сам, потому что материал без постороннего вмешательства покажет ему допущенную ошибку.

Свобода выбора появляется у малыша сразу после того, как он переступает порог класса, потому что только он сам точно знает, что ему нужно развивать именно сейчас. Хотя и здесь есть некоторые ориентиры. Так, М.Монтессори обратила внимание, а современная психология подтвердила, что у каждого ребенка от 0 до 6 лет есть сензитивные периоды, в которые он легко и естественно учится определенным вещам. Если опоздать и не воспользоваться появившимися у детей возможностями, то они могут потерять интерес к этому на всю жизнь или вернуть ошибки и случайности этих периодов в самых неожиданных и неприятных формах уже после шести лет.

Монтессори призывает нас не ускорять развитие ребенка, но и не упустить момент и вовремя раскинуть перед ним скатерть-самобранку, на которой откроется уменьшенная безопасная модель всего нашего мира. Сначала глаза малыша разбегутся, а потом найдут то, что ему нужно здесь и сейчас. Надо только помнить, что на нашей скатерти не простые предметы, а отобранные долгим наблюдением за тем, что и как помогает детям в развитии.

Удивительно, но если учитель делает все правильно, и родители ему не очень мешают, у ребенка возникает внутренняя потребность осваивать и узнавать мир вокруг себя. Оказывается, для того чтобы ребенок учил (а лучше образовывал) себя, его уже не надо наказывать или поощрять, нужно только вовремя подкидывать «уголек» в топку его ума, а еще лучше – показать, как и где этот уголек находить. Сама Мария пишет: «Неверно, что Монтессори-учитель бездействен, когда обыкновенный учитель активен: вся деятельность обеспечивается активной подготовкой и руководством учителя, его последующая «бездейственность» – знак успеха».

Главная задача взрослого – помочь детям научиться сосредоточиваться на интересной для них работе. В этом сложном деле учитель проходит через три этапа. Первый – подготовка привлекательной для малыша и удобной для его работы среды. Второй – разрушение той деятельности отдельных детей, которая мешает продвижению и развитию остальных. На этом сложном этапе учитель показывает шалуну, что его любят даже таким, беспокойным и несносным, и вместе с тем без усталости помогает ребенку найти то, что заинтересует его и поможет сконцентрироваться на работе. Энергия ребенка перераспределяется с беспорядочного расплескивания к конструктивной деятельности, направленной на развитие. На третьем этапе учителю важнее всего не мешать малышу, не нарушать его поисков и его работы.

Большая часть воздействий учителя происходит косвенно, через среду или с помощью правил, которые он придумывает вместе с детьми. Весь внешний вид взрослого и его увлеченность захватывает детей и помогает учителю наладить доверительные отношения с каждым ребенком, создать ту уникальную атмосферу, которой так отличаются классы Монтессори.

В Россию педагогика Монтессори возвратилась только в 1992 году. Несколько команд одновременно взялись за подготовку учителей для дошкольных Монтессори-классов. Но только Центру Монтессори удалось наладить контакты с АМІ-курсом, который проводит в Мюнхене Монтессори-тренер Мария Рот. Этот курс с 1993 по 1998 год закончили восемь посланцев нашей страны. Они и стали преподавательским костяком курса, организованного Центром Монтессори. В 1998 году заместитель директора Центра София Сумнительная встретила в Мюнхене с генеральным секретарем АМІ Ренильдой Монтессори и получила одобрение на открытие в Москве Ассоциативного АМІ-курса по подготовке учителей для дошкольных классов. Так российские педагоги окончательно вошли в европейское сообщество.

Часть вторая

Глава 1 Воспитание ребенка



Посмотрим в глаза впечатляющим фактам присутствия у ребенка духовной жизни, нежнейшие формы существования которой остаются незамеченными. Взрослый не хочет признать ее и тем самым нарушает план построения детской души. Окружение взрослого незначимо для жизни ребенка. Часто оно представляет собой скопление препятствий, в которых ребенок развивает свои оборонительные силы, вынужден приспосабливаться и подлечит всевозможным суггестивным влияниям.

В наше время приступают к исследованию свойств детской души с того момента, когда ребенок отдаляется от естественного, нормального пути развития. С этого момента дети становятся объектом для воспитания. Это значит, что детской психологии необходима фундаментальная ревизия. Мы уже узнали многое: за каждой неожиданной реакцией ребенка скрывается тайна. Каждый детский каприз – это выражение глубоко скрытой причины, которая означает не только поверхностное столкновение детских защитных сил с неприспособленным для ребенка окружением. Будто какой-то туман мешает душе ребенка выступить из ее укромного пристанища и проявить себя.

Ясно, что все эти эпизоды, за которыми скрываются усилия детской души по самопостроению, все эти капризы и борьба не дают нам представлений о личности ребенка. Они – не больше чем сумма черт характера. И все же личность должна быть, ведь тот духовный эмбрион – ребенок, духовное развитие которого отрицается, следует конструктивному плану построения. Так, в ребенке, как мы это видим, помещается независимый человек, живое плененное существо, которое необходимо освободить. В этом состоит насущная задача воспитания.

Исследователи психоанализа и психологии «неизвестного» обнаруживают существенное различие в изучении взрослого и ребенка. Оно состоит в следующем: то, что скрыто в

самом взрослом, самым же индивидом и вытесняется. Следовательно, индивид должен обратиться к врачу, который поможет ему распутать клубок, в котором скрыты, словно похоронены, сложные символы и притворство, накопленные в течение всей жизни. В то время как то, что скрыто от нас в ребенке, ставится ему в вину. Но нам необходимо влиять на окружение ребенка, чтобы дать ему возможность свободно выражать свою личность. Он переживает период творения и собирательства, и не нужно ничего другого, как только открыть ему дверь. То, что входит в его бытие из пустоты и превращается из потенциального в актуальное, не может еще давать каких-либо осложнений. Энергетика ребенка включается в работу и, набирая ход, не может сама по себе приводить к отклонениям. Значит, когда мы готовим ребенку подходящую данному моменту его жизни открытую среду, детская душа спонтанно раскрывается. Снимается покров с тайны ребенка. Не есть ли это все те самые устремления, которые потерялись в бесконечных лабиринтах воспитания?

Итак, истинно новое воспитание состоит, во-первых, в открытии тайны ребенка, а, во-вторых, в его освобождении. Проблема существования как таковая состоит в самом существовании. Только лишь потом следует длительная, как сам период развития от ребенка до взрослого, вторая глава, которая называется: «Помощь, которая должна быть предложена ребенку».

Но канвой для обеих глав является среда, которая облегчает рост ребенка. В ней должны быть максимально сокращены все препятствующие развитию барьеры. Именно на это окружение направляются все детские энергии, именно оно поставляет все влияющие на деятельность ребенка средства.

Но в это окружение ребенка попадает и сам взрослый. Он должен приспособиться к потребностям ребенка, помочь его независимости, он не имеет права становиться для него препятствием, замещая в главных видах деятельности и развитии.

Именно этим и характеризуется главный принцип нашего метода воспитания, который осуществляется в этой среде. В нашем методе новым открытием стал учитель, и это вызвало большой интерес и дискуссии: мы говорим о пассивном учителе, старающемся преодолеть в себе противоречия, которые могли бы появиться в его собственной деятельности. Он воздействует на ребенка таким образом, чтобы деятельность исходила от самого ребенка. В роли учителя мы подразумеваем того человека, который будет удовлетворен, видя действующего по своим внутренним позывам ребенка, делающего успехи. Он не отнимает у ребенка его собственных заслуг. Этот учитель должен взять за образец Иоанна Крестителя, который говорил: «Идущий за мною сильнее меня». Известно также еще одно положение нашего метода, которое до сих пор так решительно не акцентировало внимание на уважении к личности ребенка.

Эти три основных пункта (среда, учитель, уважение к личности ребенка – *прим. ред.*) осуществлялись в наших воспитательных учреждениях, которые сначала назывались домами ребенка, и это название хорошо обозначало наше представление об обстановке в семье. Тот, кто следил за этим движением в воспитании, знает, что по поводу наших домов ребенка шло много споров. Сильные возражения вызывал переворот в отношениях между взрослыми и детьми: учитель без кафедры, без привычного авторитета, почти без преподавательских функций. Центральным пунктом всей его деятельности становится ребенок, который обучает сам себя и свободен в выборе своего занятия и движений. Многие не считают это утопией, но все же полагают, что здесь много преувеличений.

Зато всеобщие аплодисменты заслужила идея, состоящая в том, что материальная среда должна соответствовать росту ребенка. Наше просторное, пронизанное струящимися потоками света помещение с низкими, украшенными цветами окнами, с невысокой мебелью различных форм, похоже на современную жилую квартиру. Столики, креслица, яркие занавески, низкие шкафы, из которых можно взять или положить обратно свои вещи – все

это действительно кажется практически значимым улучшением детского бытия. И я думаю, что большинство детских домов сохранили и на сегодняшний день эти признаки в качестве главных характерных принципов.

После долгих лет исследований и опытов мы чувствуем потребность еще раз вернуться к рассказу о задачах и особенно о происхождении нашего метода. Было бы большой ошибкой считать, что всевозможные наблюдения за детьми привели нас к смелой догадке, что ребенок имеет скрытую природу и что затем из этой интуитивной идеи проросли мысли о новой школе и методах воспитания. Сокрытое наблюдать нельзя. Размытое представление о существовании у ребенка двойственной природы не подвигло бы нас сказать: «Теперь мы хотим попробовать доказать это экспериментально».

Новое должно зародиться от собственной сильной энергии и часто достаточно уже того, что демонстрируется на ваших подвергающих увиденное сомнению глазах, словно вы слепой. Этот слепой просто отклоняет новое, как лишние предметы, мешающие его миру. Новое должно постоянно вторгаться в его мир, чтобы он, наконец, увидел его в поле своего зрения. Тогда он распознает его и бурно поприветствует. Но как сильна радость увидевшего, наконец-то, новый свет! Энтузиазм ведет его к догадкам, предположениям, ведь этот новый свет он создал сам, хотя не сделал ничего, кроме того, что сам увидел открытые знаки. Затем в какой-то момент ему удалось узнать и сделать то, что писано в Евангелии: «Царство Небесное еще подобно купцу, ищущему хороших жемчужин, который нашел одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее». Всегда самым сложным для нас было заметить новое и утвердиться в нем, потому что именно перед новым запираются ворота нашего восприятия. Богатство разума похоже на закрытый салон знати. Пожелавшего стать его членом должен представить тот, кто в этом салоне уже известен. Иначе говоря, он должен пройти «от знакомого к незнакомому». Новое не должно врываться или вкрадываться, потому что это вызовет в салоне неожиданную реакцию и замешательство.

Без волнения и сомнений А. Вольта наблюдал, как начинали дрожать отделенные мертвые конечности лягушки, но он уверенно утверждал этот факт, и вывел из него свойства электричества. Порой достаточно крошечной детали, чтобы открыть новую перспективу, потому что человек по своей природе искатель, исследователь. Но ни одно открытие не было бы возможным без сбора информации об этих мелких деталях. В физике и медицине у нас есть строгие правила для открытия нового феномена. Новый феномен – это обнаружение неизвестного факта, существование которого и не предполагалось. Факт всегда объективен и не зависит от интуиции. Если речь идет о доказательстве нового факта, то нужно доказать, что он возникает сам по себе, т. е. изолированно от воли и сознания исследователя. Затем появляется второй шаг – исследование обстоятельств, при которых этот феномен проявляется. Непосредственное исследование самого феномена можно начать только после постановки основополагающих проблем. Открытый феномен – прихожая комната в научно-исследовательскую лабораторию. Но есть такая форма исследования, когда этот феномен вызывается снова и снова, удерживается, оттачивается, чтобы не походить на видение. Это исследование требует реальных действий. Только тогда этот феномен будет по-настоящему оценен.

Наш первый дом ребенка – свидетельство открытий, которые начинались с крошечного факта, распахнувшего нам неожиданные горизонты.

Происхождение нашего метода. Некоторые наброски, которые я нашла среди моих старых бумаг, описывают происхождение нашего метода следующим образом.

6 января 1907 года была открыта наша первая школа для нормальных детей от трех до шести лет. Я не могу сказать, что это была первая школа, где действовал мой метод, так как метода еще не существовало. Но он должен был очень скоро родиться. В тот день можно было увидеть полсотни самых бедных, неухоженных, явно запуганных детей, многие

из которых плакали. Почти у всех были неграмотные родители. Итак, дети были представлены на мое попечение.

Первоначально не предусматривалось ничего более, чем собрать маленьких детей рабочих в одном помещении с тем, чтобы они не были предоставлены сами себе на лестницах, не пачкали стены и вообще не чинили безобразия. С этой целью в здании была приготовлена комната, а на меня возложили руководить этим учреждением, которому предсказывали «многообещающее будущее».

Неопределяемое чувство говорило мне, что здесь начнет свой ход великое дело. Слова литургии, которые читаются в церкви в День Трех Королей, казались мне пророческими: «Затмение покроет землю... но Господь взойдет над тобой... и народы будут шествовать, скитаться, обращаться».

Все участники церемонии открытия удивлялись и вопрошали: «И почему только эта Монтессори преувеличивает значение простого приюта для бедных?»

Я начинала свою работу как крестьянин, у которого есть пригодное семенное зерно и которому предоставили в распоряжение плодородный участок земли, чтобы он мог засеять его по своему усмотрению. Прикасаясь к какому-нибудь кому земли, я находила золото вместо зерна. Эти комья таили в себе бесценное сокровище. Позже выяснилось, что я вовсе не была тем крестьянином, о котором упоминала, – я была Аладдином и, не зная того, держала в руках волшебную лампу, которая открывала мне доступ к затаенным сокровищам. Не успела я начать работу с умственно нормальными детьми, как передо мной открылся ряд неожиданностей.

Логично было допустить, что вспомогательные средства, которые дали значимые результаты в воспитании умственно отсталых детей, могут стать истинным ключом для воспитания нормальных детей. То, что служило укреплению силы духа и постановке на правильную дорогу стоящего на неверном пути ума, должно было помочь здоровым душам в их здоровом и правильном росте. Во всем этом нет ничего чудесного, и воспитательная теория, вышедшая в конце концов из наших опытов, имеет явно позитивный и научный характер и способна убедить самый здравомыслящий разум. И тем не менее первые результаты переполняли меня огромнейшим удивлением и казались невероятными.

Дидактический материал, который я показывала нормальным детям, производил на них иное впечатление, нежели на слабоумных детей. Конкретный предмет не просто привлекал нормального ребенка, а притягивал его внимание. Он работал с ним непрерывно, в достойной восхищения концентрации. Лишь после окончания работы ребенок казался удовлетворенным, отдохнувшим и счастливым. Отдых читался в этих маленьких веселых личиках, в довольных светящихся детских глазах после того, как была проделана добровольно предпринятая работа. Мой материал казался ключом для завода часов, который поворачивают лишь несколько раз, а часы работают долгое время сами. Прошло много времени, прежде чем я убедилась, что это не было иллюзией. Перед каждым новым опытом такого рода я долго пребывала в неверии, но в то же время в растерянности, охваченная трепетом. Часто случалось, что я делала упреки учительнице, когда она мне рассказывала, что делали дети. «Не рассказывайте мне небылицы!» – говорила я строго. И еще помню, как она, не обижаясь, со слезами умиления на глазах говорила: «Вы правы, когда я вижу эти вещи, мне кажется, что ангелы все это посылают детям».

И, наконец, однажды, положив руку на сердце, чтобы утвердиться в своей вере, с благоговейными мыслями я задала себе вопрос: «Кто они?» Они были теми детьми, которых Христос брал на руки и которые вдохновили его на божественные слова: «Кто примет такое дитя во имя Мое, Меня принимает... Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

Так случай свел меня с ними. Это были плачущие, переполненные страхом дети, такие запуганные, что не могли говорить. Бедные, предоставленные сами себе, выросшие в лишениях, в душных домах, без попечения. У них были невыразительные лица, а глаза пусты, словно они ничего в своей жизни не видели. Даже на взгляд дилетанта они были так истощены, что нуждались в незамедлительном питании, солнце и свежем воздухе. Они были закрытыми бутонами, внутри которых в тесноте скрывалась душа.

С этими детьми очень быстро совершались впечатляющие преобразования. Можно было предположить, что перед нами совершенно другие дети, их зажатые души излучали такой свет, что освещали все вокруг.

Какие обстоятельства повлияли на чудесные изменения? Это были особые благоприятные обстоятельства, которые вели к «освобождению детской души». Все препятствия, прежде мешавшие расцвету их душ, теперь были явно устранены. Кто же мог предположить, о каких препятствиях идет речь и какие благоприятные условия необходимы, чтобы полная лишений душа могла распуститься. Но мы многократно описывали обстоятельства, воздействие которых поначалу было противоположным.

Начнем с условий семей этих детей. Все они были выходцами из самых низких социальных слоев. Их родители не имели постоянной работы, вынуждены были ежедневно разыскивать временный заработок, поэтому не могли заботиться о своих детях. Кроме того, они были безграмотны.

Найти хорошего учителя в этом малообещающем положении было невозможно. Пришлось принять учительницу, только окончившую школу для подготовки учителей. У нее еще не было ни опыта, ни предрассудков, которые, без сомнения, обычно на себе испытывает педагог.

Наша ситуация была особенной, потому что наше предприятие состояло не в том, чтобы оказывать социальную помощь в собственном смысле этого слова, а в создании строительного общества, которое принимало затраты на школу как часть затрат на содержание комплекса зданий. Дети принимались в школу с тем, чтобы не повреждать и не пачкать побеленные стены.

В таких обстоятельствах мы не думали о помощи в лечении больных детей и о бесплатном школьном питании. Единственно возможными финансовыми расходами были средства на мебель и оборудование. Это могло объяснить, почему мы сами изготавливали мебель, а не просто приобретали школьные парты. Но без таких великолепных условий было бы невозможно изолировать чисто психологические факторы и доказать их влияние на изменение в детях. Этот дом ребенка был не школой, а неким измерительным аппаратом, который начал свою работу с нуля. Вместо парт, стола учителя и других принятых для школ вещей была изготовлена мебель, похожая на домашнюю, которую я уже опробовала, работая в Институте для слабоумных детей, и никто не мог предположить, что ее можно было использовать для обычных учебных целей.

Не стоит думать, что первый дом ребенка выглядел таким же хорошо обустроенным, как те, что появляются теперь. Главными предметами мебели были: устойчивый стол учителя (но не в виде кафедры) и высокий массивный шкаф для всевозможных вещей. Его солидные двери были закрыты, и ключ находился на сохранении у учителя. Столы для детей изготавливались солидными и прочными, для длительного использования и были такими длинными, что за ними могло усаживаться по трое детей. Мы поставили их как парты – в ряды. Единственным новшеством были маленькие столики и креслица – по одному для каждого ребенка. У нас не было даже цветов, которые позже стали обязательной частью наших школ, потому что в нашем саду были только деревца и газоны. Итак, в школе не было ничего, что говорило бы о начале важного эксперимента. Все, что здесь предпринималось, было попыткой систематического воспитания чувств и изучения различных реакций здоро-

вых и слабоумных детей. Но прежде всего мне казалось интересным обнаружение возможных параллелей между реакциями здоровых малышей и старших слабоумных детей.

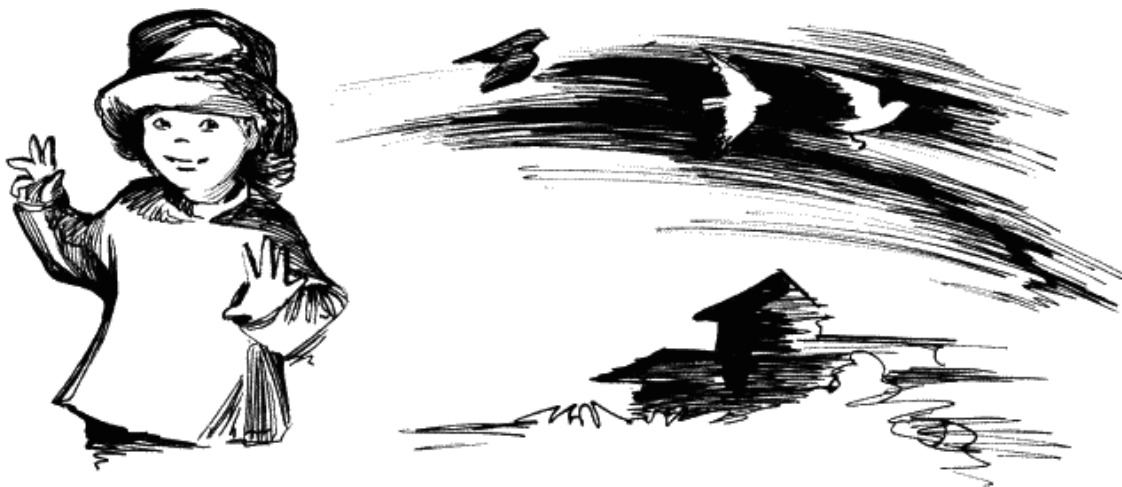
Я ничем не ограничивала и не обязывала учительницу. Я только давала указания по использованию разработанных мной дидактических материалов, чтобы она могла их правильно ввести. Это оказалось для нее простым и интересным, и во всем остальном оставалось достаточно места ее инициативе. Вскоре я стала использовать и изготовленные учительницей вещи: это были кресты из позолоченной бумаги, служившие, по ее намерению, для наград отличившихся. И я часто видела детей с этими безобидными дополнениями на груди. Учительнице пришла мысль ввести военное приветствие, хотя нашим самым старшим воспитанникам было по пять лет. Ей это приносило удовлетворение, а я находила это странным и бесполезным.

Так началась наша мирная, уединенная жизнь.

Долгое время на нас никто не обращал внимания. Я уже смогла подвести некоторые итоги нашим важнейшим результатам за определенный период, хотя речь всегда шла о мелочах, достойных детских историй, начинающихся словами: «Однажды...» Ничего, что называют обычно великолепным, праздничным. И мое руководство было в некоторой мере столь простым и даже по-детски непосредственным, что никто не оценивал его с научной точки зрения. Но тем не менее полное перечисление этих мелочей составило один полный том наблюдений или, лучше сказать, психологических открытий.

Глава 2

Повтор упражнения



Первое явление, которое привлекло мое внимание, показала мне девочка около трех лет, занятая тем, что вставляла деревянные цилиндры в соответствующие отверстия и затем вынимала их снова. Эти цилиндры напоминали бутылочные пробки, но они были распределены по размерам. Каждому из цилиндров соответствовало углубление в блоке. Я удивилась, увидев такого маленького ребенка, снова и снова с огромным интересом повторяющего это упражнение. При этом ребенок не ставил перед собой цель тренировать скорость и точность движений. Работа выглядела как запланированные непрерывные движения. Понаблюдав какое-то время, я начала подсчитывать упражнения, потому что хотела установить, какой наивысшей точки достигнет концентрация малышки. Я попросила учительницу громко петь и прыгать вместе с незанятыми работой детьми вокруг девочки. Дети пошумели и стихли. Затем я осторожно взяла креслице, на котором она сидела, и поставила его на стол. Малышка быстрым движением придвинула цилиндры к себе, поставила блок на колени и непоколебимо продолжала работу дальше. Я насчитала 42 повтора упражнений от начала моего наблюдения. Она остановилась, словно проснувшись от сна, и засмеялась с выражением счастья на лице. Ее светящиеся глаза довольно оглядывали всех вокруг. Очевидно, что она вообще не заметила всех тех маневров, которые должны были отвлечь ее. Теперь ее работа была закончена, но не из-за внешнего шума. Что означал конец повторений и почему они закончились?

Это была первая щелочка, которая позволила заглянуть в самую глубь детской души. Для этого возраста характерно сбивчивое внимание, которое мечется от одного предмета к другому, не концентрируясь на чем-то определенном. Тем не менее девочка достигла такой концентрации, когда ее «я» не откликалось на внешние раздражители. Эта концентрация сопровождалась ритмичными движениями рук в работе с точными и научно классифицированными предметами.

Похожие ситуации повторялись, и каждый раз дети выглядели свежими и успокоившимися, полными жизненных сил.

В моменты переживания такой концентрации дети отгораживались от внешнего мира. Такое поведение детей проявлялось в каждом упражнении. Речь идет об одном существенном признаке детской деятельности, который я назвала позже «повтор упражнения».

Я видела грязные детские рабочие ручки и пришла однажды к мысли научить детей полезному занятию – мытью рук. Я заметила, что они продолжали мыть руки, даже если те

были уже чистыми. Дети уходили из школы и снова начинали мыть руки. Об этом мне рассказывали матери. Малыши надолго исчезали, и их находили в ванной за мытьем рук. Они гордо смотрели на свои чистые руки, показывая их всем и каждому. Их стали даже путать с нищими, потому что они протягивали руки посторонним людям. Упражнение повторялось всегда заново, не имея уже больше практической цели. То же происходило и во многих других случаях. Чем точнее мы показывали ребенку все детали упражнения, тем более объемную картину видел он перед своими глазами. Эта картина была для него словно стимул для неустанных повторений.

Глава 3

Свободный выбор



В ходе наблюдений был установлен следующий простой факт. Дети использовали в работе учебный материал, после чего учительница снова убирала его в конце урока в шкаф. Она рассказывала мне, что в это время дети соскакивали со своих мест и толпились вокруг нее. Учительница часто отсылала их обратно, но они снова собирались. Из этого учительница заключила, что дети проявляют непослушание.

Когда я сама увидела это, я поняла, что дети сами хотели отнести предметы на свои места, и велела им сделать это.

Это привело к новому открытию: приведение в порядок предметов, устранение беспорядка было для малышей привлекательным занятием. Когда у ребенка падал стакан с водой, другие тут же подбегали, собирали осколки и насухо вытирали пол.

Однажды у учительницы выскользнула из рук коробочка, в которой было около 80 табличек – цвета и их оттенки. Я увидела ее смущение, так как трудно было снова собрать все цвета в правильной последовательности. Но дети уже спешили к ней и, к нашему удивлению, все быстро привели в порядок, причем доказали этим огромный интерес к нюансам различных цветов.

Как-то учительница пришла в школу с небольшим опозданием. Она забыла накануне закрыть шкаф с учебными пособиями и увидела, что дети открыли его и столпились рядом. Некоторые уже взяли какие-то предметы и несли их на места.

Это поведение показалось учительнице выражением воровского инстинкта. Она посчитала, что дети, уносящие предметы, проявили неуважение к школе и учительнице, и вынуждена была обратиться к детям со строгими увещеваниями. Я же, напротив, решила, что дети уже достаточно хорошо знали эти предметы, чтобы уметь выбирать их среди других.

Так началась живая и интересная деятельность. Желания детей менялись изо дня в день и, сообразуясь с ними, дети выбирали предметы сами.

С тех пор мы перешли к низким шкафам. Материал был доступен детям и был в их распоряжении. Малыши могли выбирать его в соответствии со своими потребностями. Так я связала принцип повторений с принципом свободного выбора.

Наблюдения за свободным выбором выявили некоторые тенденции развития и духовные потребности детей. Один из первых интересных результатов состоял в том, что дети интересовались не всеми подготовленными материалами, а только некоторыми. Они выбирали постоянно одно и то же. Некоторые объекты они явно предпочитали, в то время как к другим никто не прикасался, и они постепенно покрывались пылью. Я показывала детям весь материал и заботилась о том, чтобы учительница подробно рассказывала им о каждом пособии. Но некоторые предметы они не хотели брать.

Со временем я поняла, что для ребенка все его окружение – это не только порядок, а мера во всем. Интерес и концентрация возрастают, если исключить путаницу и лишнее нагромождение.

Глава 4 Игрушки



Хотя дети нашей школы имели в своем распоряжении действительно роскошные игрушки, никого они не заботили. Это было для меня настолько удивительным, что я сама взялась с детьми за игрушки, показывая, как нужно обращаться с маленькой кухонной посудой, как включать печку на кукольной кухне. Это удерживало на какое-то время их интерес, но потом малыши уходили от игрушек и больше не выбирали их никогда спонтанно.

Это привело меня к мысли, что игрушки в жизни ребенка играют второстепенную роль. Ребенок обращается к ним только тогда, когда у него нет чего-нибудь более значимого.

Ведь мы сами исходим из того же: играть в шахматы или в бридж – это приятное времяпрепровождение для праздных часов. Если бы у нас в жизни не было никаких других дел, то мы вынуждены были бы выбрать эти занятия. Человек, у которого есть более высокие важные дела, забывает об игре в бридж. У ребенка также всегда есть более важные задачи.

Для ребенка ценна каждая минута, которая имеет свойство кончаться. А за это время ребенок перейдет с низкой ступеньки на более высокую, ведь он не может приостановить свой рост, и все, что связывает ребенка со средствами его развития, манит малыша и делает нетерпимым к каждому пустяковому занятию.

Глава 5

Поощрения и наказания



Однажды я зашла в школу и увидела мальчика, сидящего в одиночестве на стульчике посреди класса. На его груди висел сделанный учительницей золотой венок, служивший для поощрения отличившихся.

От учительницы я узнала, что сидящий ребенок наказан.

Незадолго до этого учительница похвалила другого ученика и повесила ему на шею эту декорацию. Но отличившийся, проходя мимо наказанного, передал ему венок. Этот символ словно стеснял ребенка, которому хотелось работать.

Наказанный равнодушно посмотрел на эту вещь на своей груди и начал спокойно наблюдать вокруг, совершенно не осознавая себя наказанным.

Вся система поощрений и наказаний была отвергнута одним этим случаем.

Мы проводили много наблюдений, и в нашем опыте, долго накапливаемом, нашли упорное повторение той же реакции, когда, награждая или наказывая детей, учительнице приходилось стыдиться, видя их равнодушие и к поощрениям, и к наказаниям. С тех самых пор у нас нет больше ни поощрений, ни наказаний. Но нас поражает больше всего частота, с которой дети отклоняли похвалу. Было очевидно, что в них просыпалось сознание и чувство достоинства, что раньше им было неведомо.

Глава 6

Тишина



Однажды я зашла в класс, держа в руках четырехмесячную девочку, которую взяла из рук у одной мамы во дворе. Согласно народным обычаям, малышка была связана по рукам и ногам, ее лицо было полным и румяным, и она не плакала. Спокойствие этого создания произвело на меня большое впечатление, и мне захотелось мои чувства передать детям. «Она совсем не создает шума, – сказала я и шутя добавила: – Никто из вас не может сохранять такое спокойствие». Озадаченно я наблюдала, как дети стояли вокруг меня в сильнейшем напряжении. Это выглядело так, словно они следили за моими губами и глубоко прониклись тем, что я сказала. «Она дышит очень тихо, – продолжала я, – никто из вас не может так тихо дышать». Удивленно и взволнованно дети сдерживали свое дыхание. Впечатляющая тишина распространилась в этот момент. Было слышно тиканье часов, чего раньше никогда не замечалось.

Казалось, что младенец внес в комнату атмосферу той тишины, которая в обычной жизни никогда не устанавливается. Никто не предпринимал даже незаметного движения, и когда я позже попросила детей повторить это упражнение в тишине, они выполнили его точно так же. Нельзя сказать, что дети делали его с восхищением, потому что восхищение имеет в себе нечто импульсивное, сообщающееся вовне. То, что происходило в классе, было каким-то внутренним согласованием, родившимся из страстного желания. Дети сидели тихо, неподвижно. Они задерживали дыхание и при этом выглядели такими строгими и ясными, словно были погружены в медитацию. Среди выразительной тишины они сами постепенно начали воспринимать едва различимые звуки: капли воды вдалеке, щебетание птицы в саду.

Так появились наши «уроки тишины».

Позже я пришла к мысли использовать эту тишину как попытку развития слуха. Я вызывала детей, произнося шепотом издалека их имена. Каждый вызванный ребенок должен был подойти ко мне, не производя на своем пути никакого шума. Это упражнение с сорока детьми требовало терпеливого ожидания, самообладания, которое я считала невозможным. Поэтому я принесла с собой сласти, чтобы поощрить каждого ребенка, который это правильно выполнял. Но дети отказывались принимать подарки. Это выглядело так, словно они

хотели сказать: «Не порть наш замечательный опыт! Мы испытываем душевную радость, не отвлекай нас!»

Я поняла, что дети были восприимчивы не только к тишине, но и к голосу, который звал их из этой тишины. Они медленно шли ко мне на цыпочках и тщательно следили за тем, чтобы не натолкнуться на что-нибудь, и неслышно выходили.

Позднее этими и многими другими упражнениями на движение, в которых звук выдавал себя как контроль ошибки, удалось доказать, что способности детей совершенствуются. Повторения этого упражнения ведут к точному овладению действиями, которым они не научились бы никогда на формальном уроке.

Наши дети учились проходить и пробегать между многочисленными предметами, не задевая их и бегая бесшумно. Они стали внимательными и ловкими. Они наслаждались своим успехом, были оживленными, им было интересно чувствовать, что упражнения расширяют их возможности.

Прошло еще много времени, прежде чем я убедилась, что отказ от сладкого имел под собой основание. Эти распределяемые в качестве похвалы сласти не были для детей непривлекательными. Отказ от сладкого показался мне чрезвычайно странным, и я настойчиво повторяла этот эксперимент, так как знала, как мало эти дети видят сладкого. Итак, я брала с собой конфеты, а дети или возвращали их мне обратно, или клали в карманы своих фартуков. Я думала, что эти совершенно бедные дети хотели отнести их домой, и говорила им: «Эта – для тебя, а эту, другую, ты можешь взять домой». Дети брали конфеты, прятали их в фартуки, но сами не ели. То, как они оценивали эту раздачу, доказал нам следующий факт. Одна учительница посетила больного ребенка. Он открыл ящик у кровати, достал большую конфету, которую получил в школе, и предложил учительнице в знак благодарности за посещение. Конфета лежала несколько недель как постоянное искушение, и ребенок не касался ее.

Поведение в этом наших детей было так одинаково, что в наши школы приходило немало посетителей, желая лично увидеть этот феномен, который к тому времени был описан во многих книгах. Здесь речь шла о спонтанном и естественном явлении, так как никому не пришло бы в голову давать детям какие-нибудь упражнения-наказания и запрещать сладкое, и никого бы не осенило объяснить: «Дети не должны играть и не должны есть сладкое!» Дети отказывались от этих предложений, ощущая, что они должны расти духовно.

Однажды высокопоставленный гость раздавал детям бисквиты в виде геометрических фигур. Вместо того, чтобы съесть, дети рассматривали бисквиты с большим интересом и выкрикивали: «Это круг! Это прямоугольник!»

Симпатичен и анекдот об одном ребенке, который наблюдал за матерью на кухне. Мать взяла кусок масла, и ребенок сказал: «Это прямоугольник!» Мать отрезала от куска один угол, на что ребенок заметил: «Сейчас ты отрезала треугольник», и добавил: «То, что осталось – это трапеция!» Ребенок не произнес фразу: «Дай мне бутерброд», обычную для этой ситуации.

Глава 7

Достоинство



Однажды мне пришло в голову провести забавный урок чистки носа. После того, как я показала различные виды использования носового платка, я стала демонстрировать детям, как это сделать, не производя шума, и как правильно приложить платочек к носу. Дети слушали и смотрели на меня с неослабным вниманием и не смеялись. Я задала себе вопрос: «Почему такой редкий урок имел такой успех?» Едва я закончила, раздались рукоплескания, какие устраивает восторженная театральная публика. Я еще никогда не видела, чтобы дети могли превратиться в целую аплодирующую массу, и не думала, что крошечные ладони могут развить такую силу выражения. «Возможно, – сказала я себе, – я коснулась одного из самых чувствительных моментов социальной жизни этой маленькой группы». В самом деле, дети чувствовали себя униженными, так как подвергались некоему презрению из-за грязных носов. Их постоянно ругали, в особенности это относилось к детям из нижних социальных слоев. Взрослые кричали на них, обижали, но никто не научил их правильно приводить в порядок нос. Нужно понять, что дети очень чувствительны к такому презрительному отношению взрослых. Мой урок позволил ученикам частично восстановить справедливость и осуществить шаг в общество.

Это разъяснение должно было меня убедить в том (это стало ясно мне благодаря длительным опытам), что дети глубоко осознают личностное достоинство и что их душа может пораниться и загноиться.

Но тот день еще не закончился. Когда я собралась уходить, дети стали кричать мне на прощанье: «Спасибо, спасибо за ваш урок!» и следовали за мной по дороге в молчаливой процессии, пока я не сказала им: «По дороге назад бегите на носочках и не натолкнитесь на угол стены». Тогда они с готовностью вернулись и исчезли в воротах дома, словно у них были крылья. Я действительно затронула в бедных малышах их человеческое достоинство.

И всегда, когда в нашу школу приходили посетители, дети держали себя с достоинством и самоуважением и исполняли свою работу, принимая гостей с сердечным воодушевлением.

Однажды нас оповестили о приходе важного лица, пожелавшего остаться один на один с детьми и провести собственные наблюдения. Я сказала учительнице: «Пусть дети действуют по своим личным побуждениям». И обратившись к ним, добавила: «Завтра у вас будет гость. Я хотела бы, чтобы он подумал: «Это самые милые дети в мире». Позднее я

осведомилась о происшедшем. «Огромный успех, – сообщила мне учительница. – Несколько детей схватили кресло и любезно сказали гостю: «Садитесь, пожалуйста». Другие поздоровались с ним: «Добрый день». А когда он уходил, стояли у окна и кричали ему: «Спасибо, что пришли к нам, до свидания!» «Но почему вы с таким старанием все разъяснили детям? – спросила я. – Я же просила вас не предпринимать ничего особенного и пустить все по течению». «Я не сказала детям ни слова», – возразила учительница. Она мне рассказала также, что дети работали с большим рвением, занимаясь каждый чем-то своим, и все прошло хорошо к очевидному великому удивлению посетителя.

Я долгое время сомневалась и мучилась в моем неверии учительнице, так как всегда опасалась организуемых парадов детей и просто готовила их к посещениям. Но, наконец, я поняла: у детей было достоинство, они уважали своих гостей и были горды тем, что могли показать свои лучшие стороны. Не я ли им сказала: «Я хочу, чтобы он подумал: «Это самые милые дети в мире»? Но они совсем не нуждались в моем увещевании. Им достаточно было сказать: «У нас завтра гости». Оповещенный о гостях, этот маленький народ, преисполненный достоинства, уже готов показать все, на что он способен. Это не было проявлением робости. Между их душами и окружением не было барьера. Свободно и естественно могли они следовать своим замыслам, словно цветок лотоса, раскрывающий белые лепестки, чтобы впустить солнечные лучи, распространяя при этом нежный запах. Никаких препятствий, это – решающий момент. Им не нужно было ничего скрывать, запираяться, бояться. Непринужденность проистекала непосредственно из совершенной приспособленности детей к окружению.

В них действовала живая, деятельная душа, которая чувствовала себя уютно и излучала теплый духовный свет. Этот свет гасил путаницу, к которой тяготеют взрослые до тех пор, пока не соприкоснутся с детьми. Они встречали каждого человека с любовью. Постепенно так установилось, что к нам приходили те, кто скучал по живым впечатлениям.

Было странно наблюдать, как эти встречи разжигали в душах посетителей необычные чувства. Так, дамы, элегантно одетые, в дорогих украшениях, словно они шли на прием, с невинным восхищением смотрели на детей и поражались тому, как непосредственно малыши вызывали это их восхищение.

Дети гладили красивые, тонкие руки дам. Однажды маленький мальчик с печалью подошел к одной даме, прислонил головку к ее груди, взял ее руку и держал в своих руках. Эта дама взволнованно сказала позже, что никто не мог утешить ее так, как этот малыш.

Однажды дочь нашего президента хотела сопровождать посла Аргентинской республики при посещении нашего дома ребенка. Посол предложил не оповещать о посещении заранее, с тем, чтобы он мог объективно своими глазами увидеть то, о чем слышал ранее. Когда же он прибыл на место, то услышал, что как раз сегодня – свободный от занятий день и школа закрыта. Во дворе дома стояли некоторые дети, которые сразу же подошли. «Это ничего, что в школе нет занятий, – сказал один маленький мальчик с величайшей естественностью, – ведь мы живем в этом доме и у портье есть ключ».

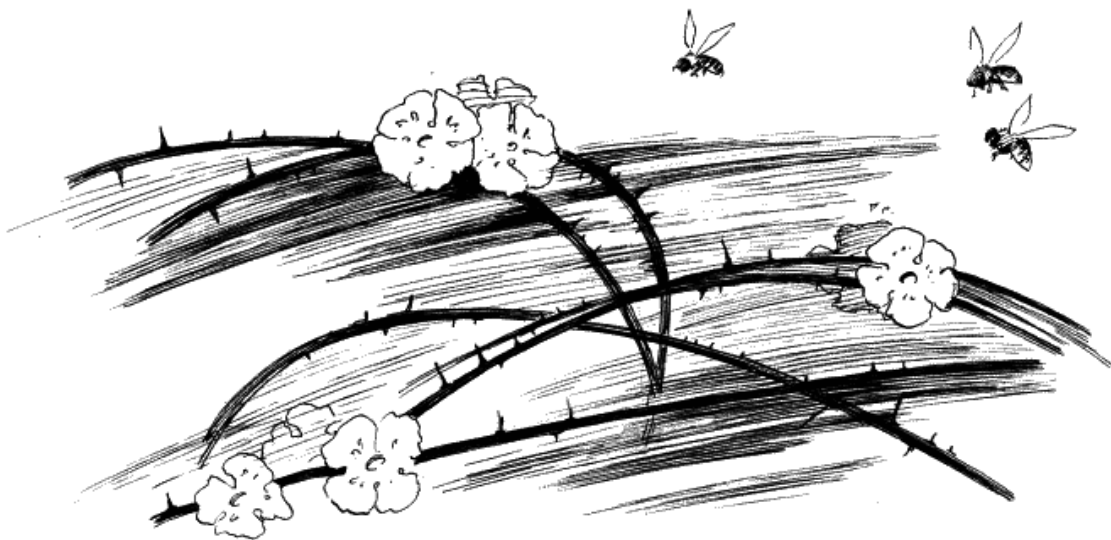
Они тут же созвали своих товарищей, открыли класс и начали работать. Чудесная спонтанность их поведения в этом случае, бесспорно, была очевидна.

Матери радовались переменам в детях и начали мне со своей стороны рассказывать интимные подробности из жизни своих семей. «Эти маленькие трех- и четырехлетки, – сообщали они, – говорили нам вещи, которые должны были бы нас обидеть, если бы речь не шла о наших собственных детях. Например, они говорят: «У вас грязные руки, вам нужно умыться!» Или: «Очисти пятна с платья!» Когда мы слышим такие вещи из уст наших детей, это нас не обижает».

Все шло к тому, что эти простые люди становились аккуратнее и чище. Оконные стекла в их домах начали блестеть, исчезли поломанные кастрюли с подоконников, а вместо них появились цветы герани.

Глава 8

Дисциплина



Насколько наши дети вели себя свободно и непринужденно, настолько все вместе они производили впечатление чрезвычайно дисциплинированных. Они работали спокойно, полностью занятые каждым своим делом. Легкими шагами они ходили по помещению, чтобы поменять материал и привести в порядок свою работу. Они выходили из классной комнаты, заглядывали во двор и тут же возвращались. Пожелания учительницы выполнялись с удивительной скоростью. «Дети делают все, что я прошу, так что я должна чувствовать ответственность за каждое слово», – говорила она. Эта кажущаяся зависимость от слов учительницы никоим образом не мешала им действовать по-своему, распоряжаться временем в течение дня по своему усмотрению. Они приводили в порядок класс, брали предметы, с которыми хотели заниматься, и когда учительница опаздывала или уходила, а дети оставались одни, жизнь класса шла своим чередом. Всех наблюдающих больше всего удивляло, как могло сочетаться соблюдение порядка, дисциплины и спонтанности в одно и то же время.

Откуда возник этот дух абсолютной дисциплины, который вибрировал среди глубокого молчания, это послушание, которое проявляется до того, как должно осуществиться какое-то действие?

Тишина в классах, в которых дети работали, была удивительна. Никто ее не устанавливал, потому что совершенно невозможно добиться этого извне.

Может быть, дети, подобно звездам, неустанно движущимся, никогда не нарушающим заведенный порядок и продолжающим светить в вечности, нашли отмеренный им путь. Дисциплина такого рода в природе исходит, думается, от самих природных тел, являясь составной частью великой дисциплины, которая держит мир. Речь идет о дисциплине, воспеваемой библейскими псалмами, которая утеряна человеком. И создается впечатление, что на этой естественной дисциплине должна основываться другая, мотивированная извне, и обе встраиваются друг в друга.

Именно такое поведение изумляло, заставляло часто размышлять и, кажется, содержало нечто таинственное. В этом тесном взаимодействии порядок и дисциплина вели к свободе.

Глава 9

Начало обучения письму и чтению



Однажды ко мне пришли две или три уполномоченные другими матери и просили обучить их детей чтению и письму. Эти мамы были неграмотными. Когда я стала отказываться (это не входило в круг моих задач), они умоляли снова и снова.

С этих пор начали происходить удивительные вещи. Я ограничивалась показом четырех-пятилетним детям двух-трех букв алфавита, которые велела учительнице вырезать из картона.

Затем я попросила вырезать буквы из наждачной бумаги, чтобы дети могли обводить их кончиками пальцев. Наконец, я рассчитала несколько таблиц, на которых сгруппировала письменные буквы по сходству, чтобы чувствительные детские руки могли совершать движения в направлении букв. Учительница была довольна этим простым началом и продолжала работать в этом направлении.

Мы не могли понять, почему дети приходили в восторг от этого занятия. Они устраивали настоящие процессии, неся буквы перед собой, как знамена, и издавали радостные возгласы. Почему?

Однажды меня удивил маленький мальчик, который, проходя по классу, говорил себе: «Для слова «София» мне нужны «с, о, ф, и, наконец, я», – перечисляя отдельные буквы. Было очевидно, что, занимаясь этим, он раскладывал слово на отдельные составляющие с глубоким интересом человека, который сделал важное открытие: он убедился, что каждый звук соответствовал букве алфавита. На самом деле, не было ли это занятие восстановлением соответствия между знаками и звуками? Речь сама по себе есть воспроизведение слов вслух, а написание есть не более чем «буквенный» их перевод. Любое настоящее продвижение обучающегося искусству письма основано на том, что эти оба «языка» развиваются с определенного момента параллельно. Письменная речь похожа поначалу на отдельные капли, из которых состоит произнесенное вслух, пока не превратится в один связный водяной поток слов и предложений.

Письмо есть потайной ключ, который, однажды открыв дверь, предоставляет право владения дополнительными богатствами. Этот ключ позволяет руке почти автоматически совершать живую работу, естественное следствие которой – воспроизведение новой логиче-

ски выстроенной речи. Для этого рука должна учиться последовательно изображать одни за другими письменные знаки. Так как буквы алфавита – простые символы, никогда не бывшие чем-то образным, то писать их очень легко. Я никогда не задумывалась обо всем этом, пока в истории нашего дома ребенка не разыгралось одно большое событие. А именно: один мальчик начал писать. Он сам был этим так удивлен, что начал кричать: «Я написал! Я написал!» Все дети подбежали к нему, окружили и рассматривали слова, которые он написал кусочком белого мела на полу. «Я тоже буду писать! Я тоже!» – закричали другие и побежали за материалом. Некоторые дети столпились у доски, иные работали прямо на полу. Так письмо произвело настоящий взрыв. Мы стояли, пораженные этим чудом.

Неустанная деятельность детей была похожа на водопад. Они писали повсюду – на дверях, на стенах, и даже дома на каравае хлеба. Им было по четыре года. Эта разразившаяся как гром потребность писать была для нас неожиданным событием.

Когда мы дали детям книги (многие люди, услышав об этом, принесли прекрасные иллюстрированные книги), они восприняли этот факт с холодностью. Хотя в книгах были прекрасные иллюстрации, дети отдались другому вдохновенному занятию, на котором концентрировали свои детские души, – письму.

Возможно, многие из них до этого никогда не видели книг, и мы долгое время старались направить интерес детей. Но нам ни разу не удалось разъяснить им, что есть чтение. Тогда мы снова убрали все книги и ожидали другого благоприятного времени.

Дети никогда не перечитывали написанное от руки. Только иногда кто-нибудь интересовался, что написал другой, но было заметно, что у него это не получается. Многие дети с удивлением оборачивались ко мне, когда я начинала громко читать написанные слова, словно они хотели спросить: «Откуда же ты это знаешь?»

Прошло около шести месяцев, пока они начали понимать, что означает чтение, и опять-таки связывали это с написанием. Дети должны были следовать взглядом за движениями моей руки, когда я писала буквы на белой бумаге, чтобы представить, что таким способом я выражаю свои мысли, словно говорю. Едва лишь они поняли это, как стали прилагать усилия заполучить листочки, на которых я писала. Они несли их куда-нибудь в тихий уголок и пытались в уме прочесть надписи без единого звука.

Когда они прочитывали слово, то это можно было понять по одному маленькому прыжку, который был реакцией на скрытое под пером содержимое, так как написанное мною предложение было заданием-поручением: «Открой окно», «Иди ко мне». Так мы начали читать, и это перешло в дальнейшем в написание длинных предложений и поручений со сложными действиями. Очевидно дети поняли письменный язык как другой вид выражения, как форму произнесенной речи одного лица другому.

Когда приходили посетители, случалось, что многие из детей, которые раньше произносили приветствия и пожелания устно, теперь не произносили ни одного слова. Они понимались, шли к доске и писали на ней предложения: «Садитесь, пожалуйста!» или «Спасибо за посещение!»

Однажды в школе зашла речь о страшном землетрясении, разрушившем город Мессину, жертвами которого стали 100 тысяч человек. Один ребенок примерно пяти лет поднялся, вышел к доске и начал писать. Он начал словами: «Я грустный», и мы догадались, что у него была потребность выразить свое сочувствие. Но затем он написал следующее: «Я грустный, потому что я маленький». Необычная мысль! Как мы были удивлены, когда он продолжил: «Когда я стану большой, я поеду туда и помогу». Этот маленький мальчик написал небольшое сочинение и одновременно показал свое доброе сердце. Он жил на иждивении одной женщины, которая целый день торговала зеленью. Позже также произошло нечто неожиданное. Когда мы готовили дидактический материал для введения печатных букв и снова пытались читать книги, дети начали читать все, что было напечатано печатным шриф-

том и что они могли найти в школе. Среди всего этого мы обнаружили несколько по-настоящему сложных текстов. Одним из них был календарь с готическим шрифтом.

В то время к нам приходили родители и сообщали, что дети останавливаются на улицах, чтобы прочесть вывески, и с ними стало невозможно гулять. Совершенно очевидно, что малышей интересовала расшифровка буквенных знаков, а не сами слова. Увидев новый шрифт, дети желали ознакомиться с ним, не останавливаясь на содержании слов. Это было интуитивное стремление, сравнимое с исследованием ученого, который долго изучает оставленные на камнях доисторические знаки, пока не найдет истинный смысл и не расшифрует правильно их значение.

Спешка, с которой мы пытались ввести печатные буквы, могла бы погасить интерес и рвение в отгадывании. Преждевременные упражнения в чтении слов из книг стали бы ничемной помощью и убавили бы энергии жадного усердия. И книги оставались еще некоторое время в шкафах.

Лишь позднее дети приступили к чтению книг. И началось это с одного события. Однажды один мальчик пришел в школу очень взволнованный, держа в руке измятый листок бумаги. «Отгадай-ка, что в этом листке написано!» – сказал он своему приятелю. «Ничего. Это клочок бумаги». «Нет, это история». «История? Там, на листке?» Этот разговор привлек других детей. Они собрались вокруг. Листок скомканной бумаги мальчик нашел на куче мусора. И он начал читать рассказ вслух. С этого момента дети вдруг начали понимать значение книг, и изо дня в день штурмовали нас вопросами. Однако многие дети, найдя интересные рассказы, вырывали листки из книг, чтобы отнести их домой.

Книги! Открытие их значения произвело на детей потрясающее воздействие, угрожавшее привычному, мирному порядку нашей совместной жизни. Было трудно снова установить дисциплину для этих детских ручонок, которые рушили из любви!

И прежде чем им удалось научиться читать и уважать книги, они с нашей помощью изучили правописание и чистописание и стали наравне с учениками третьего класса начальной школы.

Глава 10

Параллели в физическом и духовном развитии



За все время, проведенное в доме ребенка, мы никогда не забывали об улучшении жизненных условий детей. Никто не замечал больше в этих живых существах со светящимися лицами недокормленных малокровных детей. Они были здоровы, будто принимали солнечные и воздушные ванны на курорте.

И если на обмен веществ могут влиять подавленные духовные факторы, понижающие жизненные силы, то действует и обратное: радостные душевные волнения влияют на обмен веществ и на другие функции тела в благоприятном направлении. Этому у нас есть реальные доказательства. В настоящее время, когда широко изучена взаимосвязь физического и духовного, эти доказательства могут и не произвести особого впечатления. Но в то время этот феномен вызвал всеобщее удивление.

Известие о «вундеркиндах» распространялось со скоростью света. У прессы появился повод показать свое красноречие. О наших детях написали целые книги. Авторы романов писали о них даже с некоторым восторгом и делали это с такой точностью, с какой описываются неизвестные миры. Одна английская книга называлась даже «New Children» («Новые дети»). Из далеких стран, и прежде всего из Америки, приезжали люди, чтобы убедиться в этих выдающихся фактах. Наши дети определенно могли бы произнести слова, которые читаются в церквах в День Трех Королей: «Взгляни и осмотрись вокруг. Все они пришли к тебе... К тебе обращается толпа с другого берега моря».

Глава 11

Выводы



Короткое перечисление фактов и впечатлений, сделанное выше, не отвечает на вопрос о «методе».

Читатель не поймет правильно, какими конкретными методами достигнуты такие результаты. Но как раз не это главное.

Не смотрите на метод – посмотрите на ребенка, на его душу, освобождающуюся от всех отклонений, раскрывающую свою собственную природу. Своеобразные проявления наших детей относятся просто к жизни. Они похожи на окрас птиц и запахи цветов и никоим образом не являются следствием «воспитательного метода». Становится очевидным, что такое воспитание может влиять на природные данные ребенка. Цель его – помощь и защита развитию. Человек может ухаживать за цветами, влиять на природную окраску и запахи, усиливать их некоторые признаки. Это приводит к ускорению дальнейшего развития данных природой свойств, и цветы становятся красивее.

В нашем доме ребенка мы обнаружили феномены, имеющие духовную природу. Они необычны, их трудно заметить, как и большинство процессов в живой природе. Причина этого в том, что духовная жизнь чрезвычайно изменчива. Ее знаки могут просто исчезнуть при неблагоприятных условиях, и на смену им придут другие.

Для успешной воспитательной работы нужно сначала в окружении ребенка создать условия, благоприятные для прорастания скрытых в нем здоровых духовных качеств. Для достижения этой цели достаточно устранить препятствия. Это должно быть первым шагом и фундаментом воспитания. Речь идет не о развитии имеющихся у ребенка свойств, а о том, что сначала нужно раскрыть его природу, и только потом способствовать нормализации ребенка.

Если исследовать точнее быстро раскрывающиеся при этом черты характера ребенка, то можно убедиться в важности некоторых обстоятельств. В самом начале была организована приятная детям среда, в которой они не встречали ограничений. Она особенно радовала тех детей, которые росли среди лишений. Их ждали здесь светлые, чистые помещения с новыми столиками, маленькими креслицами, сделанными для них, газоны во дворе.

Следующий фактор – устранение некоторых негативных качеств взрослых. Учитель не должен иметь честолюбия и предубеждений. Его состояние можно охарактеризовать как «интеллектуальное спокойствие». Издавна известно, что воспитатель должен быть спокойным. Но при этом представляется в большинстве случаев спокойный характер без нервных импульсов. Мы же говорим о другом спокойствии: о свободном состоянии или лучше сказать о духовном освобождении, которое может делать ясные выводы. Это «духовное смирение», которое приближается к духовной чистоте и учит понимать ребенка. Но это требует от учителя существенной подготовки.

Примечательным был исключительный факт: в распоряжении детей был необходимый для воспитания чувств привлекательный материал, позволяющий производить анализ и утончение. Он воспитывал концентрацию внимания, которую невозможно достичь в ходе устных объяснений, когда учитель старается разбудить энергию ребенка.

Мы утверждаем: подготовленная среда, смиренная учительница и научный материал – это три основных условия.

Мы исходим из важнейших проявлений детей. Главным из них является деятельность, которая, как по волшебству, помогает прорваться наружу природным свойствам ребенка. Она осуществляется движениями рук, руководимых разумом.

В процессе деятельности с любым внешним объектом появляется концентрация внимания. При этом возникают явления, которые многие недооценивают. Это повторения упражнений и свободный выбор объекта. С их обнаружением мы начинаем видеть настоящего ребенка, охваченного струящейся радостью и неустанной жаждой деятельности, потому что деятельность – это его жизнь. Она похожа на обмен веществ, с которым связано все развитие ребенка.

С этого момента все происходит в соответствии с его собственным выбором: он продвигает упражнения в тишине, восхищаясь тем руководством к действию, которое указывает на право признания его достоинств. Он усердно впитывает в себя все, что способствует развитию его мышления. Вместе с этим исчезают некоторые негативные проявления детей: желание похвалы, потребность в сладком, игрушках. Нужно уметь увидеть, что порядок и дисциплина – жизненная потребность ребенка, и он демонстрирует это. В то же время ребенок остается ребенком. Свежий, открытый, веселый, он прыгает и кричит, когда что-то приносит ему радость, хлопает в ладоши, бежит, громко приветствует, благодарит, нежен ко всем, общается со всеми, восхищается. Он живет.

Итак, мы хотим обратить внимание на вещи, которые выбрал сам ребенок, спонтанно выражая себя. Мы хотим здесь перечислить в виде списка, чтобы избежать потери времени, то, что отвечает или не отвечает желаниям ребенка.

1. Индивидуальная работа

Повторение упражнения;

Свободный выбор;

Контроль ошибок;

Анализ движений;

Упражнения в тишине;

Хорошие манеры в общении;

Порядок в среде;

Безупречная опрятность;

Воспитание чувств;

Письмо, независимое от чтения;

Письмо как предварительная ступень к чтению;

Чтение без книг;

Дисциплина в свободной деятельности.

Кроме того:

2. Упразднение поощрений и наказаний

Упразднение букварей;

Упразднение фронтальных уроков;

Устранение учебных планов и экзаменов;

Упразднение игрушек и сладкого;

Упразднение кафедры для учителя.

Из этого перечня вырисовывается метод воспитания. Словом, сам ребенок дал нам практические указания для построения метода обучения, в котором мы руководствуемся свободным выбором. Контроль ошибок самим ребенком есть проявление его жизненных сил.

Удивительно, как далеко пошли эти первоначально появившиеся из ничего направляющие линии, которые позже основались на опытах и сохранились как выстроенный, правильно идущий метод воспитания.

Представим себе эмбрион позвоночного животного, у которого сначала появляется, как некое обозначение без субстанции, линия, так называемый прапозвоночник. При ближайшем обследовании этого объекта сравнения мы стали бы утверждать, что целое распадается на три части: голову, грудной отдел и поясничный отдел. Кроме того, постепенно образуется какое-то количество узлов, которые в конце концов затвердевают, становясь позвоночником. То же самое мы должны сделать и с обозначенным нами методом воспитания – представить его в виде единой цепочки. На ней выделяются три больших части – *среда, учитель и материал*. Кроме того, со временем четко выделились многочисленные дополнительные точки, совсем как узлы позвоночника.

Было бы интересно шаг за шагом проследить, как развивался этот первый метод, созданный в нашем человеческом обществе под руководством ребенка. Можно было бы увидеть эволюцию тех основных положений, которые предъявлялись сначала как неожиданные открытия. Эволюция есть на деле выражение, которым хотелось бы обозначить развитие этого своеобразного метода, так как жизнь выявила новые детали, раскрывшиеся в подготовленной среде. Эта среда, этот мир ребенка есть нечто особое, представляющее собой активный и живой ответ взрослого, его новый взгляд на жизнь детей.

Чудесная скорость, с которой наш метод стал применяться в различных школах для детей различных национальностей и из различных социальных слоев, привело к такому широкому распространению нашего опыта, что мы с твердой уверенностью смогли разрабатывать общие действующие тенденции или, лучше сказать, естественные законы, на которые должно опираться воспитание.

Школы, которые появились непосредственно после дома ребенка, особенно интересны потому, что они сохранили наш исконный вариант, построенный на ожидании спонтанных проявлений детей. Затем мы выработали определенные методы и принципы подготовки.

Впечатлил нас пример одного из организованных в Риме домов ребенка. Обстоятельства, сложившиеся в нем, были еще необычнее, чем в нашем первом, так как в нем собрали детей, переживших сильное потрясение – землетрясение в Мессине. В доме было собрано около шестидесяти ребят. Их нашли под обломками, они не могли назвать своего имени, никто не знал, какого они социального происхождения. Чудовищный шок сделал их всех одинаковыми: подавленными, безмолвными, опустошенными. Было трудно кормить их и укладывать спать. Ночами мы слышали крики и жалобы на боль. Для этих детей постарались создать хорошие условия, этим занималась королева Италии, проявляя великодушную мудрость. Для детей изготовили светлую мебель – маленькие шкафчики с дверками и

цветными ручками, низкие круглые столики, покрашенные в живые краски. Наряду с круглыми столами были и прямоугольные высокие стулья и креслица, красивая привлекательная посуда – маленькие тарелки и приборы, салфетки и даже мыльницы и полотенца, удобные для маленьких ручек детей. Повсюду были подобранные с любовью украшения: картины и вазы с цветами. Школа находилась в одном францисканском монастыре с большими садами, широкими дорожками и превосходно ухоженными цветочными клумбами. Там были пруды с золотыми рыбками, голубями. В этом окружении молча и бесшумно расхаживали сестры в своих белых одеждах с большими шлейфами. Они выглядели очень величественно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.